

УДК 821.161.1-311.3.09

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУДЬБА
В «ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЭМЕ ЛЕБЕФА» М. КУЗМИНА
(К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ)

Виктория Широкова, аспирантка

*Измайльський державний гуманітарний університет
shirvy@yandex.ru*

Автор исходит из установившегося в работах о М. Кузмине положения относительно жанровой природы его романа «Приключения Эме Лебефа» как стилизации. Решается проблема: в какой степени абсолютным является следование писателем начала XX века традиции плутовского романа. Для ее решения автор статьи обращается к изучению категории «судьба» в романе М. Кузмина. «Судьба» рассматривается как концепт, с точки зрения понимания героем происходящего, и мотив, связанный с инициацией героя и его скитаниями на чужбине. Обосновывается вывод о том, что М. Кузмин ориентировался в «Приключениях Эме Лебефа» как на традиции плутовского романа, так и на традиции других жанров — в частности, авантюрного романа.

Ключевые слова: концепт, мотив, жанр, плутовской роман, авантюрный роман, М. Кузмин.

Постановка проблемы. Большинство исследователей, обращающихся к изучению «Приключений Эме Лебефа» (1907) Михаила Кузмина (Е. Ермилова, К. Солдатов, Н. Богомолов и др.), исходят из того, что это произведение представляет собой стилизацию плутовского романа. Однако высказываемые литературоведами точки зрения подчас исключают одна другую. Так, к примеру, автор докторской диссертации, посвященной стилизации в русской литературе XIX — начала XX вв., Г. Ю. Завгородняя пишет относительно «Приключений Эме Лебефа»: «Можно сказать, что Кузмин выступает в рассматриваемой повести как создатель самоценной стилизации — он не проводит никаких аналогий с современной ему эпохой, перед нами исключительно взгляд на авантюрный роман и образы «напудренного века» сквозь стилизационную призму театральности» [3, с. 28]. Противоположного мнения придерживается Елена Певак, считающая, что стилизация в чистом виде очень редко встречается в творчестве М. А. Кузмина. За исключением, уточняет она, «Комедии на темы из Пролога, о Евдокии из Гелиополя, о Алексее человеке Божьем, о Мартиниане», да и то с целым рядом оговорок, поскольку и в этой книге присутствует смешение разных стилей. Е. Певак считает,

что отнесение критикой прозы М. Кузмина к разряду стилизаций обусловлено главным образом тем, что в первые десятилетия XX века так обозначалось любое написанное на историческую тему художественное произведение [7]. В предлагаемой статье решается задача определить жанровые особенности «Приключений Эме Лебефа» на основе изучения места концепта и мотива «судьба» в художественной ткани произведения. При этом концепт «судьба» нас будет интересовать с точки зрения раскрытия в произведении миропонимания героя, а мотив «судьба» — роли ситуаций, так или иначе позволяющих судить о предопределенности происходящего с ним.

Степень изученности вопроса. Проза М. Кузмина привлекает в последнее время внимание все большего числа ученых. Об этом свидетельствуют и монографические работы (к примеру, вышедшая в 2013 году книга биографического характера, подготовленная Н. А. Богомоловым и Дж. Малмстадом «Михаил Кузмин»), и предисловия ко все чаще издаваемым собраниям (сборникам) произведений писателя, и диссертации (в их числе — Ирины Владиславовны Антипиной «Концепция человека в ранней прозе Михаила Кузмина»). Однако в заданном нами ключе — установления связи между категорией «судьба» и жанром произведения — «Приключения Эме Лебефа» рассматриваются впервые.

Изложение материала. Само по себе слово «концепт» не является созданием новейшего времени. Его употребляли Джордано Бруно, Шекспир, в комедии которого «Бесплодные усилия любви» оно употреблено в значении «мысль» («conceits have wings: мысли обладают крыльями»), в «Гамлете» — «актерский замысел» («his own conceit») относительно актера, который заставил свою душу воплотиться в игре и т. д. [2, с. 327]. Однако в качестве научного термина ученые-гуманитарии стали активно употреблять это слово на рубеже XX–XXI ст. Систематизируя его литературоведческие трактовки, Г. А. Зябрева и С. А. Капустина предлагают такую формулировку: «Индивидуально-авторский литературный концепт — это базисная категория мировоззрения писателя, запечатленная в художественной ткани его произведения (либо ряда произведений)» [4, с. 89]. Этим же исследовательницам принадлежит и модель разграничения таких понятий, как «концепт» и «мотив», являющихся ключевыми в нашей статье. На эту модель мы опираемся. «Мотив, — пишут Г. А. Зябрева и С. А. Капустина, — есть элемент сюжета, т. е. художественного мира произве-

дения; концепт же — единица авторского мировоззрения, аксиологической системы писателя, реализуемая в процессе творчества, в том числе, и посредством мотива» [4, с. 92]. Таким образом, мотив судьбы нас будет интересовать преимущественно в связи с его значимостью в художественной системе произведения, т. е. в поэтологическом отношении, а концепт «судьба» — в связи с раскрытием ментальности персонажей, т. е. преимущественно в антропологическом плане.

Впервые слово «судьба» появляется в тексте «Приключений Эме Лебефа» в сцене посещения героем и его хозяином маркизом Франсуа гадалки, госпожи Сюзанны Баш. «...Нам нужна судьба перед важным, очень важным делом», — говорит Франсуа, собравшийся ограбить отца и бежать из дома [5, с. 248]. Таким образом, судьба для него — это то, что заранее определено для человека, но скрыто от него, но что можно узнать, прибегнув к тем, кто наделен даром ясновидения. Гадалка сообщает им, что они должны следовать принятому решению (оно не противоречит тому, чему суждено сбыться) и добавляет, что «дальше судьбы» молодых людей «идут врозь». Таким образом, отождествляются «судьба» и «жизненный путь». Причем, в полном соответствии с построением произведения (поэтикой конца), госпожа Сюзанна говорит Франсуа: «...друг же твой еще долго пойдет по опасному пути богатства, и я не вижу его конца» [5, с. 248]. Итак, предполагается, что для каждого человека заранее определен его жизненный путь (его судьба), и есть посредники (в данном случае — гадалка), которые могут знать, каков этот путь. Судьба может быть доброй, но может и огорчать человека. Поэтому на судьбу можно роптать. Что, собственно, и делают молодые люди, обнаружив, что похитили не ту шкатулку. «Ключи мы выбросили, — сообщает Эме, — счета сожгли и, побранив свою судьбу, решили ввиду недостаточности для обеспеченной жизни наличных денег, тратить их не скупясь...» [5, с. 250]. В таком случае совпадают понятия «судьба» и «удача». А, значит, игнорируется обусловленность происходящего с человеком высшей божественной волей (или тем, что древние греки обозначали как «ананка» — неизбежность), и на первый план выходит его право самому устраивать свою жизнь, полагаясь на самого себя, то есть индивидуалистическое, волюнтаристское представление о судьбе. Более того, герой решает, что ему можно и самому взять на себя право объявлять о чужих судьбах и тем самым влиять на происходящее. При дворе герцога Эрнеста Иоганна он выступает в роли астролога. Хотя действия

его имеют, скорее, анекдотический характер. «Соединяя схваченные там и сям слухи, воспоминания об указаниях учителя, почерпнутые из магических книг формулы и наставления, — признается Эме, — я более или менее удачно разрешал сомнения моего господина и мог давать советы о текущих и делать предположения грядущих событий» [5, с. 267]. Таким образом, определение характера «грядущих событий» превращается в своего рода игру. Все это отражает такую особенность интеллектуальной атмосферы стран Европы XVI–XVII вв., как проникнутость ее скептицизмом. «Это, — пишет М. А. Барг, характеризую эпоху барокко, — был дух, буквально потрясенный открывшейся ему изменчивостью всего и во всем — реалий окружающего мира и способа их рассматривать и познавать, изменчивостью истин, за исключением одной — истины сомнения, присущей собственному уму. Наиболее верный путь к познанию себе подобного — познать самого себя. Сосредоточенность мысли на движении, на процессе означала, что важнее всего не само по себе бытие, а его бесконечные превращения, многоликость его ипостасей» [1, с. 318]. Отсюда, думается, и форма повествования в плутовском романе — от лица героя, узнающего самого себя, и особенность сюжета, строящегося как цепочка отдельных историй, в которые его ввергает жизнь. Эти истории представляют собой развитие ключевых для произведения сюжетных мотивов. Традиционными для плутовского романа сюжетными мотивами, связанными с категорией «судьба», являются мотив инициации и скитаний героя. Е. М. Мелетинский называет мотив инициации в качестве одного из основных для плутовского романа. «Герой, — писал ученый, — становится плутом в процессе возмужания и приспособления, вследствие некоей “инициации” самой жизнью» [6, с. 234]. В «Приключениях Эме Лебефа» этот мотив открывает повествование. Но пока — на уровне подтекста. Обращает на себя внимание момент первой встречи Эме с Луизой де Томбель — то событие, которое стало началом резкой перемены его образа жизни. Увидев Луизу впервые, Эме заметил лишь то, что шляпа женщины была украшена развевавшимися от сильного ветра лентами цвета «умирающего Адониса» [5, с. 232]. Позже, когда домашние спрашивают юношу, что собой представляет эта дама, тот, «кроме как про ленты прибывшей рассказать ничего не умел», хотя его голову она занимала «всецело», и ему хотелось узнать, «какие у нее волосы, лицо, платье, богатая ли она, замужняя или нет» [5, с. 232]. Перед читателем возникает довольно сложная

задача догадаться, о каком цвете может идти речь: из капель крови Адониса родились розы, из слез Афродиты, оплакивающей юношу — цветок, который может быть как желтым, так и кроваво-красным. В то же время в стихах самого М. Кузмина «Адониса Киприда ищет...» находим строки: «мерещится ей Адонис белый, / ясный взор его помертвелый, / потухший...». В таком случае, возможно, что ленты были белого цвета. Но для нас в данном случае цвет лент сам по себе как раз не имеет принципиального значения. Гораздо важнее мифосемантика упомянутого в описании одежды будущей любовницы Эме имени Адониса, финикийского умирающего и воскресающего божества. Из мифологии известно, что сына красавицы Мирры полюбили и Персефона, воспитавшая его, и Афродита, передавшая в свое время в ее руки только что родившееся дитя. По одной из версий мифа Адонис погиб на охоте по воле Артемиды, приревновавшей его к Афродите. По другой версии его гибель от руки Ареса стала результатом жалобы Персефоны на Афродиту, которая предпочла Аресу смертного, да, к тому же, еще и чрезвычайно женственного. Итак, в качестве ключевых с Адонисом в мифе связаны такие смыслы: «любовь к нему нескольких богинь» и «смерть по воле одной из богинь». Можно предположить, что таким образом М. Кузмин в подтекст произведения включил мотив смертельной опасности, которую несет Эме встреча с дамой, ленты шляпы которой были цвета «умирающего Адониса». Тот и вправду переживает смерть, за которой следует его рождение в новом для него состоянии (качестве) после того, как он покидает дом своих воспитателей и отправляется в странствия по жизни, где еще не один раз происходящее с ним будет определяться встречей с женщинами.

Однако здесь сделаем уточнение. Как заметил Е. М. Мелетинский, любовь для героя плутовского романа, как правило, имеет материальный, физиологический характер: «...либо как похоть, либо как средство выгодно жениться и тем самым устроить свои дела». Отсюда — «смакование натуралистических грязных подробностей, долженствующих вызвать комический эффект» [6, с. 230]. Герой М. Кузмина и в самом деле под влиянием окружавших его людей, которые, как правило, проявляли низкие стороны своей натуры, вынужден был приспособиться и тоже мог поступать не самым нравственным способом, но он никогда не проявлял себя как плут в интимных отношениях. Даже похищая ключ и подсматривая за Луизой, он не преследовал никакой

иной цели, кроме желания быть любимым ею. Он, скорее, ведет себя как эпикуреец, наслаждающийся чувством и полностью отдающийся удовольствию. Ему и в самом деле кажется, что он не сможет жить без любви к Луизе, поэтому он готов отказаться от спокойной и благополучной жизни в доме воспитавших его людей, позаботившихся о его будущем и нашедших для него невесту мадмуазель Бланш; он искренне привязывается к Франсуа и даже иногда переживает страх, что сможет разлюбить его, если начнет расспрашивать своего нового хозяина о том, чем тот занят в притонах. И в самой анекдотической ситуации, когда его похитили, приняв за женщину, он считает необходимым защитить в глазах монастырской братии похитившего его монаха, сообщая, что спасался от убийц, а тот дал ему приют на ночь. Таким образом, он, скорее, игрушка в руках людей, в том числе и женщин, испытывающих к нему влечение. Как, повторим, Адонис из греческой мифологии. Сами же по себе истории, участником которых он становится, оказываются звеньями судьбы для него и составляющими сюжета романа о нем для автора и читателей.

Непохожесть «Приключений Эме Лебефа» на традиционный плутовской роман в еще большей степени проявляется в направленности второго из показательных для этого жанра мотивов — скитаний героя. В его основе — фольклорный мотив ликвидации недостатка. Как правило, герой плутовского романа нуждается в прочном социальном и материальном положении. Эме тоже необходимы деньги. Один раз (помогая маркизу Франсуа) он принимает участие в краже (не сам похищает деньги, но готов разделить участь хозяина, которому придется скрываться после своего преступления). Другой раз — занимаясь вместе с Франсуа, горбуньей и синьориной Паской мошенничеством, выдавая себя за знатных господ, «любезных кузенов ложной кузины» [5, с. 252]. Однако не выгода является главным импульсом всех его поступков. Иногда он подчиняется той роли, которую требуют от него обстоятельства, и проявляет себя как плут. Но чаще всего он ищет приключений. Вчитаемся в его записи, где он, еще находясь в доме воспитавших его людей (причем, он живет в нем на правах, скорее, хозяина, чем подневольного человека, позволяя себе распекать работника Оморэ), представляет свое будущее: «Всю жизнь думать о товаре, о покупателях, весь день, да еще такой жаркий, сидеть в темной лавке, ничего не видеть, никуда не ездить, поневоле расстроиться и обмолвиться грубым словом» [5, с. 234]. Любовь к Луизе открывает

для него возможность изменить свою жизнь, наполнить ее новым содержанием. То же относится к ситуации, когда он становится слугой купца из Венеции. «Не намереваясь долго заниматься этим делом, я тем не менее согласился на его предложение, видя в этом возможность добраться до Венеции, куда влекло меня как настоящего графа Гоцци». Но скарედность хозяина лишала его удовольствий, а служба почти ничем не отличалась от тех занятий, что были ему знакомы по жизни в доме, который он некогда оставил, увлекшись Луизой («стоянье почти целый день за прилавком в полутемном складе»). Поэтому он оставил купца и пошел в помощники лодочника Рудольфино, «меня покойную, но скучную жизнь у Виварини на бедную, но представляющую более случаев непредвиденных встреч жизнь гондольера» [5, с. 258]. И, наконец, находясь при дворе герцога, он по-прежнему мечтает о приключениях. «Далекий от того, чтобы любить или желать принцессу, принужденный своим положением и господствующей при герцогском дворе известной строгостью к воздержанию в большей, чем я привык, степени, я несколько скучал о привольной жизни в Италии...» [5, с. 272]. Причем, Эме безразлична история (участие в политических, общественных и т. д. событиях, приобщающих к человечеству), он предпочитает жизнь частного человека, но в ней должны быть истории (необыкновенные встречи, дарящие наслаждение и спасающие от скуки однообразного быта — все то, что включало в себя первоначально слово «авентура»). «Авантюра, — пишет И. В. Силантьев, — как неожиданное, незапланированное, избыточное происшествие (случившееся во зло или даже во благо героя) всегда нарушает установившееся, нормальное течение частной жизни героя и заставляет говорить о его личной судьбе» [8, с. 90]. Так и кузминского Эме Лебефа в большей степени занимает смеющаяся Берта фон Либкозенфельдт с «огромными коровьими голубыми глазами» и двумя рядами «белейших зубов» [5, с. 274], чем поглощенный «утопическими мечтами о равенстве, свободе, братстве» молодой человек, готовящийся к участию в грядущих «будто бы великих событиях, мировом потрясении, новом потопе» [5, с. 275]. Эме Лебеф — искатель приключений, а не плут по своей натуре. Ради них он готов отказаться и от материальных, и от социальных привилегий.

Выводы. Изучение места в «Приключениях Эме Лебефа» судьбы как концепта и как сюжетного мотива позволило нам сделать выводы относительно степени близости этого произведения жанру плутов-

ского романа. Их роднит исходная ситуация: герой покидает родной дом и отправляется на чужбину. Его история — цепочка ситуаций, в которых ему приходится проявить находчивость, изворотливость, смекалку, совершать зачастую безнравственные с точки зрения общественной морали поступки. С проявлением судьбы непосредственно связаны такие сюжетные мотивы, как инициация и скитания героя. В то же время в «Приключениях Эме Лебефа» развитие этих мотивов ближе к авантюрному, чем плутовскому роману, поскольку герой стремится ликвидировать недостачу не в материальном, бытовом благополучии, а в чудесном и неожиданном, тем самым преодолевая скуку и однообразие жизни. «Приключения Эме Лебефа» М. Кузмина — это, безусловно, стилизация плутовского романа, но в нее внесены элементы и другого, близкого жанра — авантюрного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. — М. : Мысль, 1987. — 348 с.
2. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель / под общ. ред. Е. А. Цургановой, А. Е. Махова. — М. : Издательство Кулагиной — Intrada, 2010. — 512 с.
3. Завгородняя Г. Ю. Стилизация в русской прозе XIX — начала XX века : автореф. дис. ... доктора филологических наук : спец. 10.01.01 / Галина Юрьевна Завгородняя. — Москва, 2010. — 44 с.
4. Зябрева Г. А. Концепт-анализ в современном литературоведении: теоретическая и методологическая проекция / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Вопросы русской литературы : межвузовский научный сборник. — Симферополь : Крымский Архив, 2011. — Вып. 19. — С. 87–93.
5. Кузмин М. Приключения Эме Лебефа : роман / Михаил Кузмин // Лунная гостя : Романы, повести, рассказы. — М. : ТЕРРА, 1997. — С. 231–275.
6. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1986. — 320 с.
7. Певак Е. Проза и эссеистика М. А. Кузмина : [вступительная статья] / Елена Певак // Кузмин М. А. Проза и эссеистика : в 3 т. — М. : Аграф, 1999. — Т. 1. — С. 5–68.
8. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования / И. В. Силантьев. — М. : Языки славянской культуры, 2009. — 224 с.

**ЛЮДИНА ТА ЇЇ ДОЛЯ
В «ПРИГОДАХ ЕМЕ ЛЕБЕФА» М. КУЗМІНА
(ДО ПИТАНЯ ПРО ЖАНРОВУ ПРИРОДУ ТВОРУ)**

Вікторія Широкова, аспірантка

Ізмаїльський державний гуманітарний університет

Автор виходить з того, що в роботах про М. Кузміна встановилося положення відносно жанрової природи його роману «Пригоди Еме Лебефа» як стилізації. Вирішується проблема: в якій мірі абсолютним є дотримання письменником початку ХХ століття традицій крутійського роману. Для її вирішення авторка статті звертається до вивчення категорії «доля». «Доля» розглядається як концепт в романі М. Кузміна, з точки зору розуміння героєм того, що з ним відбувається, а також як сюжетний мотив, пов'язаний з ініціацією та блуканнями героя на чужині. Обґрунтовується висновок про те, що М. Кузмін орієнтувався в «Пригодах Еме Лебефа» як на традиції крутійського роману, так і на традиції інших жанрів — зокрема — авантюрного роману.

***Ключові слова:** концепт, мотив, жанр, крутійський роман, авантюрний роман, М. Кузмін.*

**HUMAN AND HIS FATE
IN «ADVENTURES OF AIME LEBOEUF» BY M. KUZMIN
(TO THE QUESTION ABOUT GENRE
NATURE OF LITERARY WORK)**

Viktoria Shyrokova,

*postgraduate student of department of Foreign literature
Izmail State University of Humanities*

The article focuses upon the specificity of genre of «The Adventures of Aime Leboeuf» by M. Kuzmin. In the works of literary critics this novel is considered as stylization of picaresque novel (novela picaresca). The author of the article solves the problem: if the novel of M. Kuzmin, which was written in the beginning of XX century is an exact copy of the genre, which existed in its classical form in world literature until the end of the XVIII century? Solving this problem, the author has put into focus the category of «fate». «Destiny» is being studied as a concept and plot motive in the novel. Therefore, the author uses the technique of structural method (fate, a key motif, is studied as a structural unit of the text), as well as the anthropological method (it was studied how the hero appreciates his destiny, explains the events of his life, solves the problem of freedom and predestination). So level of poetics and the mental level of the novel are related. Conceptual analysis showed that the ratio of the hero and the other characters of the novel to the fate has a controversial nature. They understand that the events have a sense that someone (or something) has set. But the meaning of fate can be found. The help of clairvoyant is needed for it. Therefore, they try to guess their fate by a fortune-teller. At the same time they are living in the era of man's faith in its independence and opportunities. So they can blame fate and take the initiative in their hands. The hero of the novel even plays the role of an astrologer, pretends to guess people's

lives. However, most of the events of his life — are the result of the actions of other people who, as a rule, have devious aims. The main plot motives in the novel by M. Kuzmin are the initiation of the hero and his wanderings. Both motives related to his fate. The presence of these motives in the novel is a sign of it's connection with the picaresque novel. But the behavior of the hero (actant), his character is not the same as in the picaresque novel. He does not obtain only material goals. As a general rule, he obeys to senses of love and friendship. The main aim for him — to get away from the boredom and monotony. He is not also interested in history. This hero- is an adventurer. The author of the paper concludes that M. Kuzmin in the «Adventures of Aime Leboeuf» not only continued the traditions of the picaresque, but of the adventure novel, too. The mythopoetics of novel by M. Kuzmin (myth of Adonis in it's connection with hero's destiny) was also examined in the article.

Key words: *concept, style, genre, the picaresque novel, adventurous novel, Mikhail Kuzmin.*

REFERENCES

1. Bart, M. A. (1987), *Jepohi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas. Forming of historicism]*, Moscow, Mysl [in Russian].
2. *Evropejskaja pojetika ot antichnosti do jepohi Prosveshhenija: Jenciklopedicheskij putevoditel' [European Poetics from Antiquity to Enlightenment: Encyclopedic guide]* (2010), Moscow, Kulagina Publishers — Intrada [in Russian].
3. Zavgorodnjaja, G. Ju. (2010), «Stylization in Russian prose of XIX — the beginning of XX century», Thesis abstract for DrSc (Philology), 10.01.01, Moscow, Literary institute named after A. M. Gorki, Russia [in Russian].
4. Zyabreva, G. A. and Kapustina, S. A. (2011), *Koncept-analiz v sovremennom literaturovedenii: teoreticheskaja i metodologicheskaja proekcii [Concept analysis in contemporary literary studies: theoretical and methodological projection]*, [Problems of Russian literature: interuniversity collection of scientific articles], Simferopol, Krymskij Arhiv, Iss. 19, pp.87–93 [in Russian]
5. Kuzmin, M. (1997), *Prikljuchenija Jeme Lebefa: Roman [Adventures of Eme Lefeb]*, *Lunnaja gost'ja: Romany, povesti, rasskazy [A lunar guest: collection of novels, stories]*, Moscow, TERRA, pp.231–275 [in Russian].
6. Meletinskij, E. M. (1986), *Vvedenie v istoricheskiju pojetiku jeposa i romana [Introduction to the Historical Poetics of Epic, Romance and Novel]*, Moscow, Nauka [in Russian].
7. Pevak, E. (1999), *Proza i jesseistika M. A. Kuzmina: vstupitel'naja stat'ja [Prose and essay by M. A. Kuzmin: Preface article]*, Kuzmin M. A. *Proza i jesseistika: V 3 t. [Kuzmin M. A. Prose and essay: in 3 volumes (vol. 1)]*, Moscow, Agraf, 1999, pp. 5–68 [in Russian].
8. Silant'ev, I. V. (2009), *Sjuzhetologicheskie issledovanija [A Research Papers on Plot]*, Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 12 жовтня 2015 р.